

К 60-летию Победы на Дальнем Востоке: о некоторых вопросах историографии

© 2005

К. Асмолов, И. Куртуков, Б. Юлин

Празднование шестидесятой годовщины Великой Победы советского народа над гитлеровской Германией повысило интерес к теме Второй мировой войны, важным этапом которой являлась и война на Дальнем Востоке. Участие Советского Союза в разгроме Квантунской армии, сыграло, с точки зрения официальной историографии СССР, решающую роль в разгроме милитаристской Японии и успешном завершении Второй мировой войны 2 сентября 1945 г.

Поскольку дальневосточный период Второй мировой проходил уже после Победы над Германией, он не всегда воспринимался как часть Великой Отечественной, оказался как бы в тени.

Шестидесятилетие победы стало своего рода информационным поводом для того, чтобы предоставить общественности новые (а на деле — забытые старые) трактовки, касающиеся как общей роли Советского Союза на данном этапе войны, так и некоторых конкретных аспектов боевых действий или стратегических планов Москвы.

В зарубежной прессе (как в европейской и американской, так и в южнокорейской) появилась серия статей, целью которых является умаление или замалчивание роли Советского Союза в войне против Японии.

Вот как описывает действия Советского Союза южнокорейский историк Ли Ги Бэк в своей книге "История Кореи. Новая трактовка" (М., 2000, с. 387): "9 августа накануне падения японской империи СССР объявил Японии войну. Советские войска перешли корейско-советскую границу и после капитуляции Японии оккупировали Пхеньян, Хамхын и ряд других крупных городов северной части Кореи". Как правильно подмечает руководитель Центра Кореи и Монголии Института востоковедения РАН Ю. В. Ванин, вольно или невольно автор создает впечатление, что СССР вступил в войну, когда участь Японии была уже решена, и овладел Северной Кореей, воспользовавшись плодами чужих усилий¹.

Основные положения авторов "новых трактовок" можно свести к следующему.

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Куртуков Игорь Александрович, кандидат исторических наук.

Юлин Борис Витальевич — независимый военный эксперт.

Решающим фактором, изменившим ход войны на Тихом океане, было применение Соединенными Штатами ядерного оружия против Японии.

Вступление Советской Армии в войну на Дальнем Востоке не сыграло какой-либо роли в капитуляции Японии. Она все равно бы пала под ударами США, однако участие в войне позволило Москве оказаться в числе победителей для того, чтобы урвать свой кусок при региональном переделе мира.

Из желания "подсуетиться" и успеть к вышеуказанному разделу Советский Союз даже нарушил Пакт о ненападении, заключенный между Москвой и Токио. С юридической точки зрения это деяние не сильно отличается от вероломного объявления войны фашистской Германией Советскому Союзу.

Между тем, Пакт по сути спас сталинский режим от разгрома, так как дал ему возможность перебросить с Дальнего Востока дополнительный контингент войск, участие которого на Западе помогло переломить ход войны. Не было бы под Москвой сибирских и дальневосточных дивизий, не было бы и поражения немецких войск.

На "освобождаемых территориях" Китая и Кореи советские войска использовали тактику устрашения в виде массовых репрессий и жесткого обращения с местным населением. В Корее советские оккупационные власти способствовали расколу страны, установив на своих штыках тиранический режим Ким Ир Сена.

Эти новые подходы нашли, увы, отклик и в российской так называемой "либеральной" прессе, некоторые представители которой из желания отработать заокеанские гранты, предоставить "жареные" факты или лишний раз попинать "проклятое советское прошлое" начали активно продвигать их в массовое сознание российской аудитории с не меньшим, а то и с большим ажиотажем, чем их западные коллеги.

Желая дать бой подобным "ревизионистам от истории" и восстанавливая справедливость, мы постараемся сделать объективный анализ вышеуказанных тезисов, будучи свободными как от штампов пропаганды СССР, так и от тех новых клише, которыми в последнее время их пытаются заменить. Сделать это достаточно просто, ибо "новые трактовки" не основываются на новых фактах. Вопрос скорее упирается в интерпретацию существующего массива данных, который хорошо известен.

Стратегическое значение вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. К вопросу о решающем вкладе

Рассматривая этот вопрос, советская историография отдавала дань уважения деятельности союзников, но при этом, пытаясь доказать равенство усилий СССР и США, приложенных к разгрому Японии, нередко представляла дело так, что решающим событием войны, переломившим ее ход, было "открытие второго фронта" на Дальнем Востоке.

Полемизируя с этой точкой зрения, историки новой волны закономерно напоминают о том, что основная тяжесть войны на Тихом океане легла на плечи американцев и их союзников, которые понесли гораздо большие потери, чем мы.

Западные историки очень любят оперировать статистикой потерь, указывая на то, что в боях в Корее Советская Армия потеряла убитыми и ранеными 1963 человека, в то время как только в боях за остров Окинава войска США потеряли только убитыми более 10 тысяч человек². Однако оценка вклада по числу человеческих потерь по меньшей мере является односторонней. На наш взгляд, определяющее значение приобретают достигнутые результаты.

Говоря о решающем вкладе, мы имеем в виду тот комплекс действий, который привел к полной потере противником воли к сопротивлению и его возможности продолжать борьбу.

Нет необходимости разъяснять, что к концу лета 1945 г. Япония уже была обречена на поражение. Начиная с лета 1944 г. ситуация приобрела черты всеобщего национального кризиса. Страна была отрезана от значительной части источников сырья и продовольствия. Гражданское население голодало. Экономика была не в состоянии нормально функционировать. Людские ресурсы, требуемые для восполнения потерь армии в живой силе и поддержания приемлемого ритма хозяйственной жизни, были на пределе.³

В общей стратегической ситуации, усугубленной нехваткой ресурсов, у страны не было возможности не только выиграть войну, но и добиться приемлемых условий мира. Среди приведших к этому причин можно назвать потерю большей части подготовленного состава военно-морских летчиков после сражения у атолла Мидуэй, нерешенные проблемы со снабжением (в первую очередь нефтью), фактическую неспособность защитить коммуникации Метрополии с континентом, подавляющее количественное и качественное военное превосходство вооруженных сил США на Тихоокеанском ТВД. Не меньшее негативное значение имели: неквалифицированная работа разведки, недостигнутые, несмотря на все успехи, цели первого удара, крупные недостатки в применении подводных сил, отставание в ряде военно-морских технологий, гибель адмирала И. Ямамото. После уничтожения японского флота в боях 1942-45 гг., выход американцев непосредственно к территории Японии (Окинава) в стратегическом смысле сделал ее положение безнадежным и ее крах стал вопросом ближайшего времени.

Однако время это могло длиться достаточно долго. Овладеть островом Окинава вооруженным силам США удалось лишь в марте 1945 года, а высадку на остров Кюсю американцы планировали только в ноябре 1945 г.⁴ Решающие операции против Японии в Пентагоне планировались на 1946—1947 годы, оценивая при этом (с учетом тотальной войны) свои потери в “количестве около миллиона человек”⁵.

Собственно, это долгое и кровавое сопротивление и было своего рода последним шансом японского императорского режима. Оставалась призрачная надежда на то, что неспособные воевать насмерть “белоногие варвары” ужаснутся необходимости отдавать тысячи жизней за каждый клочок японской земли и будут вынуждены пойти на заключение мира.

Отталкиваясь от данного выше определения решающего вклада, мы поставим вопрос по-другому и попробуем разобраться с тем, какое событие помогло завершить войну, окончательно подорвав как способность Японии к сопротивлению, так и желание ее руководства продолжать борьбу, — американские бомбардировки или советский “второй фронт”.

Попробуем проанализировать, к чему привел разгром Квантунской армии. Во-первых, прекратила сопротивление почти миллионная группировка японских войск, боеспособность которой можно завышать или занижать, но ее численность говорит сама за себя⁶. Кроме того с вступлением Советского Союза в войну были нарушены морские коммуникации между Японией, Кореей и Китаем. Наши войска отрезали от Японии экспедиционную армию в Китае и войска в районе Южных морей, так как связь с ними осуществлялась через Манчжурию и Корею. Под командованием императорского генерального штаба фактически оставалась только группировка войск метрополии⁷.

Во-вторых, советские войска захватили территорию, которая играла решающую роль в тыловом обеспечении боевых действий. Континентальные владения Японии (в первую очередь Маньчжурия и Корея) были сырьевой, промышленной и ресурсной базой империи. Кроме того, на территории Маньчжурии располагались основные промышленные мощности по производству синтетического горючего, а учитывая природную энергозависимость Японии, потеря Северного Китая стала, возможно, наиболее сильным ударом с точки зрения разрушения ее экономической базы. Конечно, американские подводные

лодки способны были бы нарушить снабжение с материка, но нарушение морских коммуникаций безусловно менее эффективно, чем их полное прекращение в результате захвата.

В-третьих, в критической ситуации, связанной с военными действиями на территории Японии, Маньчжурия и Корея планировались как “запасные аэродромы” для эвакуации ставки. Не забудем о плане “Яшма вдребезги”, разработанном на случай реальной угрозы захвата японских островов американцами и предполагающем эвакуацию на материк императорского дома и большей части дислоцированных на территории собственно Японии войск, при том, что сами острова должны были быть превращены в сплошную выжженную землю, вплоть до организации биологической атаки против высадившихся американцев. Потеря такой возможности также наносила очень важный стратегический урон и, более того, можно даже сказать, что вступление СССР в войну предотвратило широкомасштабное уничтожение гражданского японского населения, неизбежное при подобной тактике.

Таким образом, разгром Квантунской армии лишил Японию последних призрачных шансов на затягивание войны. Япония осталась без угля, без стали и практически без продовольствия. Кроме того, единый фронт союзников вынуждал отказаться от иллюзии о возможности игры на противоречиях США и СССР и попыток заключить сепаратный мир вместо безоговорочной капитуляции⁸.

Теперь рассмотрим под тем же углом применение атомного оружия. Как известно, ядерные бомбардировки пришлись на города, в которых не имелось крупных военных заводов и сколько-нибудь крупных формирований японской армии⁹. Ни военному, ни промышленному потенциалу Японии в результате этих ударов не был нанесен критический ущерб. Следовательно, решающего военно-стратегического значения они скорее всего не имели. Они имели психологическое и пропагандистское значение: когда у врага есть сверхоружие, с помощью которого один самолет способен стереть с лица земли целый город, дальнейшая борьба выглядит совершенно безнадежной. Этого фактора было достаточно для принуждения к капитуляции любой европейской страны, но не Японии, чья верхушка была готова к войне “до последнего вооруженного копьём японца в отрогах гор Хонсю”. По мнению “непримиримых”, в критической ситуации японская нация должна была с честью погибнуть, предпочтя героическую смерть позорному существованию.

Можно напомнить и то, что аналогичные по мощи и степени разрушений бомбардировки городов Германии (Кельна, где было разрушено до 90% зданий, Гамбурга, Франкфурта, Берлина и т.д.) не привели к сколько-нибудь существенному изменению немецких планов, и даже не слишком сильно сказались на обороноспособности Германии — при том, что потери Германии среди мирных жителей исчислялись сотнями тысяч жертв.

Еще можно сопоставить стоимость одной атомной бомбы и достигаемый ею эффект со стоимостью проведения классической операции коврового бомбометания. Учитывая штучное производство атомных бомб (к 1949 году их в наличии было всего несколько штук) и отработанностью “обычных” схем бомбардировки, атомная бомба проигрывала и по соотношению цена/качество, и с точки зрения временного фактора — новую атомную бомбу надо было сделать, в то время как обычные боеприпасы имелись в избытке.

С такой точки зрения ясно, что вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке, лишившее японцев фактических средств продолжения борьбы, действительно сыграло куда более решающую роль, чем применение Соединенными Штатами ядерного оружия. Обратное утверждение базируется на эксплуатации более поздних комплексов общественного сознания, когда ядерных бомб стало много, и в массах прочно укоренился подсознательный страх перед атомным оружием.

Эта сравнительная оценка разделяется и самой японской стороной. В выступлении заместителя начальника Генерального штаба на заседании Высшего Совета от 6 июня 1945 года в открытую говорилось, что “необходимым условием ведения войны с США является поддержание мирных отношений с Советским Союзом”¹⁰.

Полковник — штабист Х. Такусиро в своей книге “Япония в войне. 1941-1945”¹¹ тоже прямо заявляет, что “вступление Советского Союза в войну, последовавшее после того, как на Хиросиму была сброшена атомная бомба, укрепило решимость императора и руководящей верхушки в правительстве и в армии немедленно принять условия Потсдамской декларации как единственный путь к окончанию войны.”

Поясним. Еще в июне здоровой части японского руководства¹² было понятно, что война проиграна и ее пора кончать. Вступление в войну СССР подстегнуло события. Высший Военный Совет заседает 8 часов, и император лично продавливая решение о капитуляции, невзирая на сопротивление части военных. Уже 10 августа японское правительство заявило о готовности принять условия Потсдамской декларации с единственной оговоркой, отстаивающей сохранение прерогатив императора. Однако аргумент “все кончено — пришли русские” не соответствует самурайскому духу, в то время как ссылка на вражеское “сверхоружие” и погибающее от него беззащитное гражданское население позволяла сохранить лицо и сдаться с формулировкой “мы бы еще поборолись, но против такого...”. В результате, хотя даже У.Черчилль в свое время сказал, что “было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой”, официальная причина капитуляции несколько отличалась от реальной.

Вопрос о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г.

В российской либеральной прессе этот документ часто называют Пактом о ненападении, пытаясь таким образом поставить знак равенства между ним и пактом Молотова — Риббентропа, но это не так. Документ от 13 апреля 1941 года назывался пактом о нейтралитете. Главным элементом пакта была его вторая статья, текст которой гласил: “в случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта”. Необходимо отметить, что война на Тихом океане не совсем подпадала под эту формулировку, ибо Япония выступала не объектом, а скорее субъектом действия.

Действие договора, рассчитанного на пять лет, заканчивалось в апреле 1946 г. Стороны могли его денонсировать, уведомив о своем намерении за шесть месяцев до этого срока.

5 апреля 1945 г. СССР направил японскому правительству ноту, в которой извещал его о денонсации договора. Аргументируя свою позицию, советская сторона ссылалась на нарушения Японией духа и отчасти буквы договора о нейтралитете, а также на изменившиеся международные обстоятельства. В ноте отмечалось, что Япония помогала Германии, когда та вела войну с Советским Союзом. В то же время Япония находилась в состоянии войны с США и Великобританией, являвшимися союзниками СССР. Кроме того, советская сторона указывала на случаи задержки и потопления японскими военными кораблями советских гражданских судов (доставлявших грузы для воевавшего с Японией Китая), инциденты на границе и т.п.

Эти обвинения были отнюдь не беспочвенными. По свидетельствам ряда очевидцев, в частности, К. С. Бадигина¹³, после начала войны на Тихом океане Япония всеми способами препятствовала советскому судоходству. Проходив-

шие Цусиму советские суда подвергались бомбардировкам с воздуха и торпедным атакам японских подводных лодок. Так, к примеру, в декабре 1941 г. японские самолеты подвергли бомбежке и потопили танкер "Майкоп"¹⁴. Известна история парохода "Уэлен", вступившего в бой с японской подводной лодкой у берегов Австралии¹⁵. Есть и факты обстрела японскими кораблями советской территории.

Претензии сторонников "новых трактовок", однако, связаны с тем, что, заявив об отказе от продления пакта о нейтралитете, советская сторона якобы одновременно уклонилась от разъяснения вопроса о том, будет ли она его соблюдать до апреля 1946 г., как это должно было следовать из текста договора, или же станет считать себя свободной от соответствующих обязательств немедленно¹⁶. Вступление СССР в войну против Японии до апреля 1946 г. кажется им явным нарушением условий этого соглашения.

Однако во главу угла этой дискуссии должно быть поставлено обсуждение юридических тонкостей вопроса, а не нравственных проблем, подпадающих под понятие "вероломство".

О "развязанных руках"

Не выдерживает критики и рассуждение о том, что только переброска с Дальнего Востока сибирских и дальневосточных дивизий помогла Сталину обеспечить необходимую концентрацию сил и средств и начать контрнаступление под Москвой.

Войска с Дальнего Востока не сыграли решающей роли в ходе войны на германском фронте. Всего за 1941 год с Дальнего Востока было перебросено на Запад 16 дивизий, а за 1942 — пять. Если учесть, что в составе действующей армии воевало около 300 дивизий, то о переломе в войне за счет дальневосточных дивизий говорить некорректно. Кроме сибирских и дальневосточных дивизий у Ставки к этому времени были и другие, достаточно крупные резервы, и без переброски войск Дальневосточного округа на запад наше наступление все равно состоялось бы. Возможно, оно происходило бы в более сложных условиях, но разгром немецких войск под Москвой был неизбежен.

К тому же начавшая войну с США Япония "развязала руки" Советскому Союзу только 7 декабря 1941 года, а наступление Советской армии под Москвой началось 5 декабря.

Что же до "сковывания сил", то неясно, кто кого отвлекал больше. Несмотря на отсутствие военных действий, японцы продолжали держать на границе с Советским Союзом значительные силы, которые, таким образом, не могли быть использованы против США на иных ТВД. Наличие на Дальнем Востоке советского Тихоокеанского флота также удерживало известную часть японских военно-морских сил от участия в боях с американскими военно-морскими силами.

О сроках вступления в войну

Участие Советского Союза в войне на Дальнем Востоке не было актом сталинского волюнтаризма. Мы вступили в эту войну по просьбе Великобритании и США, выполняя данные им союзнические обязательства.

Трезво оценивая боеспособность антияпонских сил в Китае и не желая бросать крупные контингенты американских войск на материк, Рузвельт стремился привлечь СССР к войне против Японии еще в 43-м году в Тегеране, где СССР дал свое принципиальное согласие вступить в войну против Японии по завершении разгрома Германии. Встреча руководителей трех держав в Ялте в феврале 1945 г., официально закрепила обязательство СССР начать войну против Японии не позднее, чем через три месяца после победы над Германией.

Заметим, что сам факт наличия таких просьб, подтвержденный как официальными документами, так и мемуарами целого ряда руководителей со-

юзных государств (в том числе Черчилля и Рузвельта-младшего¹⁷), также является важным доказательством того, что Вашингтон и Лондон не считали возможным справиться с Японией в короткие сроки без советской помощи. Инициатива “второго фронта” в Азии исходила ОТ НИХ, а не от Советского Союза, который будто бы лелеял гегемонистские планы и вторгся в Китай и Корею исключительно ради их воплощения в жизнь.

Пожалуй, единственными объектами геополитических интересов Москвы в этом регионе были Курильские острова и Южный Сахалин, владение которыми позволило бы обеспечить свободу судоходства, минуя опасный Перый Курильский пролив, а также обеспечить безопасность приморских портов за счет превращения Охотского моря в советские территориальные воды.

Следует отметить, что в рамках тех же соглашений Советская армия и Военно-морской флот отказались от высадки на собственно Японские острова, хотя такая возможность была далеко не гипотетической. СССР ограничился захватом Южного Сахалина и островов Курильской гряды, укрепления которых, по некоторым данным, не сильно отличались от построенных на Окинаве или Иводзиме.

Теперь о сроках войны. Сталин сдержал свое обещание, объявив войну Японии 8 августа 1945 г. спустя три месяца после разгрома Гитлера. Вступление СССР в войну было оформлено таким образом, чтобы казалось, что этот шаг предпринят по просьбе союзников и в ответ на отказ Японии принять Потсдамский ультиматум. Наши непосредственные военные действия начались на следующий день, и это следует помнить тем, кто в угоду США выстраивает несколько неверную логическую цепь событий, утверждая, что “русское наступление началось в день, когда атомная бомба взорвалась над Нагасаки”. Такая формулировка фразы превращает начало нами этой войны в своего рода ответ на действия Америки, но сторонникам такой логики имеет смысл напомнить, сколько времени должно уйти на подготовку и планирование военной операции такого масштаба.

Необходимо иметь в виду, что на осуществление широкомасштабной межтеатровой переброски такого количества войск и создание боеспособной группировки на Дальнем Востоке также требовалось довольно значительное время. Так что если говорить о совпадениях, то уж скорее помнящие об обещании Сталина американцы не случайно назначили для бомбардировки именно эту дату.

Еще об атомной бомбе и японском ответе на нее

Ядерная тема, безусловно, заслуживает отдельного подраздела. И здесь следует остановиться не столько на стратегических эффектах от ядерных бомбардировок, сколько о реакции на них японских властей и, главное, — на их готовности использовать так называемый “асимметричный ответ”.

Известие о том, что Америка применила против Японии свое секретное оружие, вызвало внутри страны значительно меньше панических настроений, чем кажется сейчас, и весть о ядерной бомбардировке была встречена гораздо более спокойно, чем впоследствии новость о вступлении в войну Советского Союза. Такую точку зрения подтверждают следующие факты. Во-первых, правительственная комиссия прибыла на место взрыва не 6 августа, а только сутки спустя. Представители японского Генштаба были отправлены туда только 8 августа, причем целью комиссий были не столько политические выводы, сколько интерес к новому оружию в расчете получить о нем дополнительную информацию.

Во-вторых, несмотря на то, что противник вроде бы применил новое сверхоружие большой мощности, не было предпринято никаких попыток эвакуировать высшее руководство страны и императора. Все заседания Временного Военного

Совета по-прежнему проводились в столице. Более того, власти не проинформировали о факте удара население.

В-третьих, в случае продолжения военных действий непосредственно на Японских островах потери и разрушения от обычного оружия превосходили бы потери от атомных бомбардировок.

Тем более, что с точки зрения японского руководства на ядерную бомбу американцев у Японии был достаточно адекватный ответ. Речь идет о деятельности пресловутого "Отряда 731", в котором японские военные медики под руководством генерал-лейтенанта С. Исии занимались разработкой бактериологического оружия и достигли в этой области весьма значительных результатов. Не вдаваясь в подробности, которые достаточно хорошо освещены в соответствующей литературе, в том числе — и на русском языке, отметим, что к моменту вступления Советского Союза в войну "Отряд" не только располагал большим числом "ноу-хау", но и большим количеством готовых к употреблению биологических боеприпасов, полномасштабное применение которых на театре военных действий могло нанести противнику существенный ущерб.

По словам самого генерала Исии, "бактериологическое оружие наиболее выгодно для Японии, бедной запасами полезных ископаемых, необходимых для производства атомной бомбы. Это оружие не требует крупномасштабных экспериментов и высокосложного оборудования для разработки и производства. Все работы возможно замаскировать под медицинские исследования. Соответственно невелики и финансовые затраты"¹⁸.

В книге М. Сэйити "Кухня дьявола"¹⁹ содержится достаточно подробная информация о том, насколько реальной была угроза. На территории отряда имелось производство, где на культуре агар-агара вызревали микробы чумы, тифа, сапа, сибирской язвы, проказы, сифилиса. В месяц производилось бактериальной массы чумы до 300 кг; сибирской язвы — до 500-600 кг; брюшного тифа, паратифа, дизентерии — до 800-900 кг; холеры до 1 тонны²⁰.

Были разработаны специальные керамические бомбы, позволяющие доставлять на вражескую территорию не только бактерии, но и зараженных представителей фауны — крыс, клещей, блох и т. п., способных после "десанта" распространяться самостоятельно. Как говорил бывший служащий отряда, "если бы она при идеальных условиях была рассеяна по земному шару, этого хватило бы, чтобы уничтожить все человечество!"

Смертоносные средства "прошли проверку на деле". С 1940 года бактериологическое оружие применялось против китайских войск. Осуществлялось рассеивание чумных блох с самолетов методом так называемого бактериального дождя; заражались водоемы, пища, посевы методом диверсий²¹ Судебный процесс, проходивший в Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 г. над группой военнослужащих японской армии, установил, что бактериологическое оружие неоднократно применялось и в диверсионных вылазках против СССР²².

После окончания войны командующий Квантунской армией генерал Ямада признал, что "бактериологическое оружие было бы применено против США, Англии и других государств в том случае, если бы СССР не выступил против Японии. Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение Советской армии вглубь Манчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран".

Подвергшись ядерному удару, японское командование начало готовиться к ответу, однако неожиданное для японцев вступление СССР в войну и стремительное продвижение советских войск к уезду Пинфань, где размещалась ставка "Отряда", разрушило их планы: большая часть лабораторий и документации была уничтожена, а большинство сотрудников покончили с собой. Таким образом, именно открытие СССР второго фронта против Японии стало причиной того, что американские атомные бомбы оказались единственным видом оружия массового поражения, примененным в ходе Второй мировой войны.

Опасность разработок "Отряда" в последнее время на Западе стараются приуменьшать, приводя в пример неудачные итоги бактериологических диверсий на советском Дальнем Востоке и ставя под вопрос возможность доставки данного оружия на территорию США. Однако на эти аргументы есть адекватные ответы.

Территории советского Дальнего Востока, которые стали объектом диверсии, были достаточно малонаселенными, что само по себе препятствовало быстрому распространению и высокой летальности эпидемии, затухавшей из-за низкой плотности населения и его ограниченной миграции. Кроме того, особенно авторитарного режима, позволяющие обеспечить высокую мобилизацию ресурсов и сил, дали местным властям возможность в кратчайшие сроки осуществить как принудительную вакцинацию населения, так и комплекс достаточно жестких мер по соблюдению карантина. Что же до применения бактериологического оружия в Китае, то подсчетом жертв предположительно организованной специалистами "Отряда" эпидемии чумы, похоже, никто особенно не занимался.

Касаясь вопроса о средствах доставки, вспомним подводные лодки серии И-400, которые можно назвать подводными авианосцами. Эти достаточно мощные боевые корабли могли пересечь Тихий океан неся на себе самолеты, в которых можно было доставить на территорию США и бомбы с биоматериалом, и керамические контейнеры с зараженными животными и насекомыми.

Оценить точный масштаб жертв и разрушений в случае успешного применения генералом Исии его разработок на американской территории тяжело, но учитывая эффект экспериментов в Китае, можно сделать вывод о том, что вспышка эпидемии в густонаселенных районах западного побережья США особенно — мегаполисах, могла нанести Америке весьма ощутимый ущерб, тем более что, технические проблемы, связанные с транспортировкой к американским берегам груженых "биоматериалом" подводных авианосцев были сравнимы по сложности с доставкой ядерного оружия США на японскую территорию.

Конечно, нельзя утверждать с уверенностью, хватило ли бы для успешной операции двух подводных лодок, но следует помнить, что даже в условиях производственного кризиса этому проекту уделялось особое внимание, и не вступил Советский Союз в войну, генерал-лейтенант Исии получил бы, возможно, в свое распоряжение большее количество средств доставки.

Проблема "зверств"

Вопрос о насилии, которое якобы чинили советские солдаты, давно муссируется западными историками. Набор слухов о том, как грабили и насиловали местное население в Корее, повторяет, например, Майкл Брин²³.

Не имея возможности проверить подлинность приводимых зарубежными авторами "свидетельств очевидцев", которые 30-40 лет спустя обнаружили у себя удивительную способность воссоздавать события прошлого²⁴, хочется обратить внимание на другое.

Во-первых, в пропагандистской литературе нередко встречается прием, когда, пользуясь ограниченностью объема печатного материала, 3-4 примера позиционируют как тенденцию. Во-вторых, данные "о зверствах русских" почему-то всплыли только сейчас, хотя в условиях холодной войны тех лет подобный пропагандистский козырь должен был быть весьма востребованным. В третьих, хочется обратить внимание на абсолютные цифры. Те, кто любит рассказывать "о сотнях случаев", упускают из виду то, что численность советской армии вторжения на Дальнем Востоке составляла около двух миллионов человек.

Определенный процент военнослужащих, склонных к асоциальному поведению, мародерству, есть в любой армии, хотя в армиях типа советской ста-

раниями замполитов и особистов, призванных следить в том числе и за моральным обликом военнослужащих, этот процент должен был быть ниже, чем в армиях других стран. Однако даже если мы возьмем не процент, а полпроцента, то от двух миллионов он составит целых 10 000 человек — цифра, которая способна звучать “душераздирающе” и заставить сторонников соответствующей точки зрения “задумываться о том, насколько стихийным был советский террор”.

Между тем, вопрос о стихийности или, наоборот, организованности подобных акций определяется достаточно просто: если мародерство и насилие не поощряют и не закрывают на него глаза, с ним борются — и это отражается в документах, массив которых прекрасно позволяет определить и масштаб явления, и позицию командования по отношению к нему.

Но вернемся к ситуации в Корее. Изначально руководители Красной армии собирались воевать с японцами, и корейские реалии представляли себе слабо. Что знало про Корею большинство советских людей того времени, — это то, что эта территория была японским генерал-губернаторством, а до того — вассалом Китая.

Однако накануне начала военных действий на полуострове в августе 1945 г. генералу Чистякову была направлена директива ЦК, которая содержала прямое указание не препятствовать образованию на занятых территориях демократических организаций и разъяснять местному населению, что Красная армия не преследует цели захвата корейской территории и введения на ней советских порядков. Личному составу было дано специальное указание вести себя корректно, не обижать население и не препятствовать исполнению им религиозных обрядов и церемоний²⁵.

Это достаточно важно само по себе и в связи с вопросом о том, насколько появление советских войск в Корее сопровождалось грабежами, насилием или иными эксцессами. Подобные факты все же имели место, но не могли носить массового характера. Такое поведение могло быть вызвано как тем, что к этому времени часть советских войск уже была “развращена” трофейной практикой в Германии, так и тем, что наши военнослужащие считали Корею не самостоятельным государством, которое Япония захватила, а частью территории Японии. Именно потому советская пропаганда специально заостряла внимание на данном факте с тем, чтобы советские воины чувствовали себя освободителями и не чинили произвола в отношении местного населения.

Асоциальное поведение советских войск на освобожденной территории опровергается в процессе работы с документами. В российских (советских) архивах есть и документы о судах над мародерами или насильниками, и из них понятно, что и охота за трофеями, и иные недостойные действия в отношении местного населения имели куда меньшие масштабы по сравнению с тем, что происходило в Германии на полгода раньше.

Возьмем для сравнения японскую армию или германские формирования (особенно, войска СС) на Восточном фронте. В обоих случаях, особенно — в японском, насилие и террор по отношению к местному населению вплоть до физического уничтожения жителей целого населенного пункта считались приемлемой тактикой и фактически поощрялись командованием. О случаях судов над насильниками и мародерами в этих армиях практически неизвестно.

О “северокорейских марионетках в обозе”

История вызванного “холодной войной” раскола Кореи и становления КНДР является большой самостоятельной темой, лишь частично пересекающейся с затронутой здесь. И потому следует рассмотреть лишь некоторые моменты.

Начнем с того, что в ходе военных действий на Корейском полуострове сложилась крайне интересная ситуация, когда большая часть корейской тер-

ритории, в том числе вся южная часть Кореи, освободилась “самостоятельно”, без помощи иностранных войск. Части 25-ой армии Первого Дальневосточного фронта под командованием генерал-полковника И. М. Чистякова, которые вели боевые действия на территории Корейского полуострова, начали их 11 августа, заняв несколько портов, причем Чхончжин был захвачен 14 августа 1945 г. Квантунская армия на территории Китая сопротивлялась несколько дольше, но оккупационный корпус в Корее прекратил сопротивление 15 августа 1945 г. В ходе непосредственных боевых действий не был занят даже Пхеньян.

Стремительность темпов наступления советских войск на Дальнем Востоке застала американцев врасплох, и в ночь с 10 на 11 августа было принято решение о разделе страны на оккупационные зоны. В результате Советский Союз честно занял свою половину полуострова, хотя по словам Ф. И. Шабшиной, советские войска ждали в Сеуле, и плакаты “Привет освободителям!” были уже готовы. Более того, в ряде точек советские войска даже пересекли 38 параллель, однако, вспомнили о договоренности и отступили обратно. Американские же войска появились в Корее только 14 сентября 1945 г., то есть через месяц после капитуляции Японии 15 августа 1945 г.

Так Корея была освобождена, однако ни одно из вооруженных формирований какого бы то ни было из корейских правительств или партизан тоже принимало в этом участия. Никто не сбрасывал власть японцев с применением военной силы. Когда была подписана капитуляция, они сами “вывесили белый флаг”. Поэтому, когда корейские историки пишут, что они освободились от японцев сами, то под этим “сами” надо понимать не столько “благодаря собственным действиям”, сколько “без чьей-либо помощи”.

Это тщательно затушевывается корейскими историками по обе стороны 38-й параллели. Историография Юга просто старается умолчать об этом, а на Севере представляют дело так, что советские войска лишь помогли многотысячной корейской армии, руководимой великим вождем, маршалом Ким Ир Сенем.

И хотя многотысячной армии партизан не было, человек по имени Ким Ир Сен действительно был командиром партизанского отряда²⁶, хорошо зарекомендовавшим себя в антияпонском сопротивлении и пользовавшимся большой поддержкой среди корейцев Маньчжурии²⁷. Именно он совершил нападение на полицейский участок в Почхонбо 6 апреля 1937 г. (эта акция была одной из немногих, совершенных партизанами на территории собственно Кореи) и оказался одним из последних активно действующих повстанцев, вынужденных перейти советскую границу в 1940г. Звание капитана Советской Армии он получил уже после того, как был интернирован. Эти факты подтверждены как корейскими, так и зарубежными историками, в то время как попытки южнокорейской и американской пропаганды времен “холодной войны” превратить Кима в советского корейца, не имевшего никаких заслуг в антияпонском движении, являются именно пропагандой.

По поводу планов СССР в отношении Кореи и особенностей строительства авторитарной системы там существует несколько точек зрения. Согласно традиционному подходу западных и южнокорейских историков, хорошо озвученному таким специалистом, как Со Дэ Сок, Советский Союз изначально хотел сделать Корею своим сателлитом и действовал по отработанной схеме. Этот корейский историк, сравнивая процесс установления контроля над Северной Кореей со строительством коммунистического лагеря в Восточной Европе, утверждает, что и там советские власти следовали привычному шаблону, когда вместе с советскими войсками в страну “в багажном вагоне” прибывал “прикормленный” лидер, которого затем ставили на престол. По его мнению, в Корее имело место “классическое” трехэтапное формирование коммунистами своей структуры власти: широкая коалиция, затем формирование просоветских структур и укрепление монолитного коммунистического режима.

Такой подход, однако, критикуется не только советской/российской историографией, но и левыми зарубежными историками, в первую очередь Б. Камингсом. Во-первых, войдя в Корею, Советский Союз не имел определенных планов по обязательному построению там режима советского образца. Согласно принятым постулатам, корейские события воспринимались не как социалистическая, а как народно-демократическая революция, которая предусматривала, что на основе единого фронта в стране устанавливается народно-демократическая власть, которая проводит определенный набор демократических реформ. И лишь затем осуществляется переход к социализму. Даже сам Ким Ир Сен, назначенный помощником военного коменданта Пхеньяна, сперва планировался на роль военного министра в правительстве националиста Чо Ман Сика. Форсированное создание коммунистического режима с ним во главе произошло только после провала плана опеки и на фоне начинающейся “холодной войны”.

Во-вторых, естественный после освобождения левый уклон на Севере использовали, полагаясь более на уговоры, чем на репрессии. На местах всем заправляли Народные комитеты, что создавало иллюзию преемственности строя. Как и в Восточной Европе, большую роль в укреплении власти коммунистов сыграли реформы, которые прибавили правительству Ким Ир Сена легитимности.

В-третьих, нельзя согласиться ни с официальной историографией КНДР, описывающей массовое ликование по поводу долгожданного явления Полководца, ни с мнением Со Дэ Сока о том, что советские корейцы и партизаны рассматривались местным населением исключительно как “бандиты из Маньчжурии” и советские прислужники.

Б. Камингс цитирует внутренние инструкции северокорейской полиции, где уделяется достаточно много внимания не только борьбе с реакционными элементами, но и моральному облику защитника Закона, который должен быть примером для всех и не может использовать в своей практике избиения или пытки. Так как этот документ — закрытая инструкция, Камингс не считает его пропагандистским ходом и делает вывод о том, что руководство КНДР действительно пыталось изменить традицию²⁸.

Полезно сравнить это с ситуацией на Юге, который на то время оставил Север далеко позади по количеству репрессий и уровню террора. Здесь можно вспомнить и политические убийства таких знаковых для национально-освободительного движения фигур как Ё Ун Хён или Ким Гу, и беспредел полукриминальных “молодежных корпусов”, и подавление левого движения. К середине 1947 г. в тюрьмах находились 22 тыс. политзаключенных — почти в два раза больше, чем в конце японского правления²⁹, а во время ликвидации восстания на о. Чечжудо было уничтожено более половины деревень и погиб каждый пятый житель острова³⁰.

Вообще, невзирая на то, что современная Северная Корея, безусловно, является жестким авторитарным режимом, эта ситуация не всегда была таковой, и, по мнению целого ряда корееведов, в том числе В. П. Ткаченко, вплоть до второй половины 1950-х гг. КНДР отличалась большим уровнем демократии и плюрализма, чем современный ей Советский Союз.

Заключение

Совокупность приведенных выше фактов и аргументов позволяет сделать однозначный вывод: вклад Советского Союза в то, что ситуация на Дальнем Востоке в августе-сентябре 1945 г. разворачивалась именно так, невозможно недооценить. Верный своему союзническому долгу, СССР в кратчайшие сроки вступил в войну на Дальнем Востоке, чем окончательно подорвал как способность японской империи к продолжению войны, так и ее возможность ответить на американский ядерный применением своих бактериологических

средств. Без советской помощи Япония вполне могла сложить оружие только в 1946-1947 гг. после неоднократного применения ядерного оружия.

При этом как действия Советского Союза, так и поведение советских военнослужащих не выходили за рамки международного права. Раздуваемые клеветниками факты совершенных ими преступлений немногочисленны и не могут быть квалифицированы как тенденция, поощряемая руководством. Наоборот, советские военные власти предпринимали все меры к тому, чтобы минимизировать конфликты с местным населением.

И хотя раскол Кореи на Север и Юг остается одним из наиболее явных шрамов “холодной войны”, введение советских войск в Китай и в Корею не имело в качестве изначальной задачи “коммунизацию Азии”. Более того, “новый порядок” в южной части Кореи внедрялся тогда со значительно большим числом репрессий.

Все это заставляет нас, сравнивая “старые и новые” точки зрения, отдавать предпочтение старым как (пусть и не полностью, но) глубже соответствующим исторической реальности. Хотя точка зрения классической советской историографии **не совсем** корректна, ее полное отрицание в рамках вышеописанной концепции **совсем не** корректно. Нашей стране есть чем гордиться, а нашему народу есть что помнить.

1. Ванин Ю. В. О книге Ли Ги Бэка “История Кореи. Новая трактовка” // Альманах “Российское корееведение”, Выпуск четвертый, М., 2004, С. 311-322. Впрочем, позиция Ли Ги Бэка, одного из основоположников южнокорейской исторической науки, скорее отражает официальный взгляд Сеула, которому в последнее время стремятся следовать наши “прогрессивные авторы”. Творчество же самого господина Ли Ги Бэка (1924-2004) лишено пропагандистских выпадов.
2. Этот аргумент встречается и у Ли Ги Бэка в его полемике с Ю. В. Ваниным на с. Альманаха “Российское корееведение” (Там же. С. 335), однако наши демократические историки, столь любящие рассуждать о “заваливании трупами”, используют такой довод еще более рьяно.
3. http://www.obraforum.ru/lib/book1/chapter17_22.htm
4. Breen, Michael. The Koreans. Who They Are, What They Want, Where Their Future Lies. New York, 1998, 2004 С. 113.
5. <http://tiger.uic.edu/~rjensen/invaade.htm>
6. По мнению авторов, на тот момент боеспособность Квантунской армии была весьма ограничена. В основном эта армия состояла из новосформированных дивизий весьма ограниченного качества. К началу советского наступления она была усилена несколькими дивизиями из Китая, но они погоды не делали.
7. В конце войны Япония имела в своих вооруженных силах до 7,2 млн чел. Из этого количества 1,7 млн чел. приходилось на военно-морской флот и 5,5 млн чел. на сухопутные войска. Основная группировка (3,7 млн чел., в т.ч. 2,4 млн — армия и 1,3 млн флот) находилась собственно в Японии. Численность Квантунской армии составляла 840 тыс.чел., еще 320 тыс. (290 тыс. — армия и 30 тыс. — флот) насчитывала группировка японских войск (сил) в Корее. Экспедиционные силы в Китае, воевавшие с войсками Гоминдана, насчитывали 1,1 млн ч. (в т.ч. 64 тыс. во флоте)
8. Известно, что Япония предлагала СССР посредничество в заключении такого мира. Предложения о посредничестве 13 июля 1945 г. были вручены японским послом в Москве Сато заместителю министра иностранных дел СССР Лозовскому. Одновременно японская сторона просила СССР принять специальную миссию принца Коноэ, для обсуждения посредничества Москвы в деле заключения мира. Однако МИД СССР протянул время до 26 июля 1945 г., когда была принята Потсдамская декларация с изложением условий мира для Японии, после чего вопрос отпал сам собой. Однако условия декларации вызвали резкое неприятие японских “ястребов”, что побудило премьера Судзуки 28.7.45 выступить с заявлением о ее неприятии.
9. Хиросима, например, была избрана как город, который можно было уничтожить одним расчетным атомным взрывом.

10. <http://www.vif2ne.ru/nvk/forum/0/archive/459/459835.htm>
11. Хаттори Такусиро "Япония в войне. 1941-1945." СПб.: ООО "Издательство Полигон", 2000.
12. По сведениям Х. Такусиро, намерение императора закончить войну вызрело 22 июня.
13. Бадигин К.С. На морских дорогах.— М.: Политиздат, 1980 в интернете, в частности, на <http://militera.lib.ru/memo/russian/badigin/03.html>
14. <http://www.konkurent.ru/print.php?id=3560>
15. Бадигин К.С. На морских дорогах.— М.: Политиздат, 1980 в интернете, в частности, на <http://militera.lib.ru/memo/russian/badigin/03.html>
16. http://www.obraforum.ru/lib/book1/chapter17_24.htm
17. Во время второй мировой Рузвельт-сын выполнял функции адъютанта отца.
18. <http://himvoiska.narod.ru/o731.html>
19. Найти этот материал можно, например, на <http://ahtari.kuban.ru/lib/koi/MEMUARY/1939-1945/MORIMURA/kuhnya.txt>
20. <http://himvoiska.narod.ru/o731.html>. По-видимому, большой вес объясняется тем, что учитывается и объем питательной среды.
21. http://nvo.ng.ru/printed/notes/2004-11-12/8_toyma.html
22. <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/118/045.htm>
23. Breen, Michael. Kim Jong-Il: North Korea's Dear Leader. Who He is, What He Wants, What to Do about Him. New York, 2004. С. 22
24. К тому же, данные о масштабах этого произвола в основном являют собой или не подкрепленные фактами утверждения, или показания свидетелей, в которых преобладают эмоции (корейский крестьянин, у которого Левинсон реквизировал единственную свинью, тоже, вероятно, имел весьма превратное впечатление о героях романа Фадеева "Разгром").
25. СССР и Корея. Серия "СССР и страны Востока". М., 1988. С. 133.
26. Breen M. Kim Jong-Il: North Korea's Dear Leader. Who He is, What He Wants, What to Do about Him. New York, 2004. С. 21.
27. Cumings, Bruce. Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. С. 160.
28. Cumings, Bruce. Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. С. 233.
29. Henderson, Gregory. Korea. The policy of the vortex. Cambridge, London, 1978. С. 143.
30. Cumings, Bruce. Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. С. 219- 221.